

Третий дядя

На обратном пути Су Лин намеренно повёл Су И круглым путём через всю деревню. Его желание выставить своего спутника напоказ было более чем очевидным.

Однако в деревне царил затишье. Под палящим полуденным солнцем лишь дети играли в тени деревьев, увлечённо лепя фигурки из грязи. Взрослые же разошлись по делам: кто убирал кукурузу на склонах гор, кто собирал красный перец на полях. Каждый старался воспользоваться погожим днём, чтобы успеть просушить урожай.

Красный перец, рассыпанный по соломенным матам, пламенел ярким ковром, наполняя воздух терпким ароматом страды. Юноша окинул взглядом грядки с баклажанами, фасолью и перцем — под палящими лучами листья растений поникли и съёжились.

Его самого жара уже измотала. Сглотнув в пересохшем горле, он посмотрел на согбенные спины работающих крестьян и невольно вздохнул: «Тяжёлый это труд — землю пахать».

Смахнув бисеринки пота с кончика носа, Су Лин обернулся к спутнику:

— Ты когда-нибудь занимался полем?

Су И покачал головой. Заметив, как угас огонёк в глазах гээра, он поспешно добавил:

— Могу научиться. К тому же через пару дней заберём из города инструменты, тогда и охота, и плотницкое дело начнут приносить монету. А огород — это так, чтобы свои овощи всегда под рукой были.

Братец Лин удивился такой непривычной словоохотливости. Взглянув в эти глубокие, полные решимости глаза, он не стал подрывать уверенность мужчины.

— Хорошо. Я тоже возьмусь за наш аптекарский огород. В свободное время буду ходить в горы за товаром на продажу. Потом накупим утят и гусят — вырастим на убой. А вот свиней, пожалуй, заводить не станем: едят они много, кукурузы на них не напасёшься, да и траву им косить замучаешься.

Мысли его перескакивали с одного на другое. Глядя на молчаливого Су И, Су Лин вдруг вспомнил пренебрежительные взгляды старейшин и их холодное «раб», и в груди его вскипело негодование. Он остановился и в упор посмотрел на мужчину:

— Запомни: только мне дозволено называть тебя рабом. Если кто-то другой посмеет так к тебе

обратиться — бей без раздумий. Будь таким же свирепым, как на невольничьем рынке. Когда ты кажешься опасным, никто не посмеет тебя задевать.

Су И молча смотрел на него, и Су Лин сердито прикрикнул:

— Ну что застыл, Мутуо? Слышишь, что я тебе говорю?

Вместо ответа в уголках губ мужчины промелькнула тень улыбки. Юноша оторопел.

«А дурень-то, оказывается, довольно хорош собой, когда улыбается»

Заметив краем глаза, что улыбка Су И стала ещё шире, Су Лин резко обернулся:

— Чего зубы скалишь? Перестань! Только что тебя ни во что не ставили, а ты и слова не вымолвил. Настоящий чурбан деревянный!

Мужчина, видя, как мгновенно переменялось настроение гээра, тут же посерьёзnel, хотя в его взгляде всё ещё теплилась мягкость. Су Лин, не найдя повода для дальнейших упрёков, почувствовал досаду — словно кулаком в вату ударил. То ли у этого человека с головой не всё ладно, то ли он издевается: его ругают, а он улыбается.

«О чём он только думает?»

Су Лин протянул руку и ткнул Су И в плечо, надеясь уловить голос его сердца, но, не услышав ничего, разочарованно отдернул пальцы. А спутник улыбался всё светлее. Под знойным солнцем его взгляд оставался тихим и нежным. Гээр закатил глаза, ещё раз с силой ткнул его в плечо и зашагал прочь.

«Точно больной», — решил он.

Братец Лин и представить не мог, что творится в душе Су И. Тому было глубоко плевать на чужие взгляды, но то, как юноша раз за разом бросался на его защиту, отзывалось в его очерствевшем сердце странной, щемящей теплотой. Это было новое, удивительное чувство.

Су Лин ведь обещал Юань Цзинцуй присмотреться к Мяснику Юаню, а сегодня прямо заявил старосте, что замуж не пойдёт. И в его планах на будущее место нашлось и для него, Су И. От этой мысли уголки губ мужчины сами собой ползли вверх. По пути он видел того беременного гээра и теперь знал: местные мужчины способны вынашивать детей.

«А значит, вполне возможно...»

Су И погрузился в свои грёзы, но, опомнившись и заметив, что Су Лин в гневе ушёл далеко вперёд, поспешно выкинул лишние мысли из головы и бросился вдогонку.

Проходя мимо дома Третьей тётушки, юноша увидел, что ворота распахнуты настежь. Он решил зайти — поблагодарить за лапшу, которой его угощали. Семья дяди была самой работающей в деревне, и застать их дома днём было большой редкостью.

Стоило ему войти во двор, как в нос ударил знакомый резкий запах лекарственных трав. У колодца семилетний мальчишка, пыхтя от усердия, вытягивал ведро воды. Увидев гостя, он крикнул в сторону дома. На зов вышла Третья тётушка. В руках она держала охапку корней императы, лицо её было покрыто испариной, а в растрёпанных волосах запутались сухие травинки — явно только что вернулась с гор.

— Линь-гээр? Что привело тебя сегодня? — на её встревоженном лице промелькнула вымученная улыбка.

— Тётушка, что случилось? — Су Лин указал на ступени дома, где виднелись свежие следы небрежно вылитого лекарственного отвара.

Женщина тяжело вздохнула:

— Твой Третий дядя позавчера припозднился в лесу. В сумерках не доглядел и наступил на бамбуковую куфию. Прямо в пятку вцепилась, проклятая. Вот, по народному совету, выкопала корней маогэнь, пою его отваром. Ещё в горах нашла шлемник, соскребла коры бархата да ревеня — всё истолкла и прикладываю к ране.

Горцы веками жили бок о бок с дикой природой и умели различать травы, помогающие при змеиных укусах. Если везло — народные средства спасали, если нет — дело заканчивалось в лучшем случае потерей ноги, в худшем — смертью.

— И как дядя? Ему полегчало? — спросил Су Лин.

Тётушка горестно покачала головой:

— Жара стоит, рана всё пухнет и пухнет. Совсем плохо дело, воспаление началось.

— Так почему не отвезёте его в городскую аптеку? — не выдержал юноша.

— Твой дядя, как упрётся — настоящий бык, не переспоришь. Твердит, мол, перетерплю, и всё тут. А я-то знаю: денег ему жалко. В городе за приём да за травы — и внутрь, и наружу — меньше двух сотен вэнь не возьмут. А скоро осенний налог, бог весть, сколько в этом году запросят, вот и боится копейку лишнюю потратить. В прошлом году даже за коз да овец налог ввели, кто знает, что теперь придумают.

Су Лин не стал спорить. Тётушка невольно добавила:

— Эх, был бы Ши Синсянь жив... — и в её глазах мелькнула тень сожаления.

Братцу Лину стало не по себе. Поколебавшись, он всё же произнёс:

— Тётушка, позвольте мне взглянуть на рану. Пусть я и не мастер, но вырос среди лекарств и видел, как отец лечил людей после змеиных укусов.

В глазах женщины вспыхнула робкая надежда.

— Хорошо, хорошо... Раз он в город ни в какую не едет, посмотри хоть ты. Всё лучше, чем просто ждать.

Она явно старалась не давить на него, заранее снимая груз ответственности, если у него ничего не выйдет.

Дядя, слышавший весь разговор из дома, почувствовал себя неловко, когда жена повела Су Лина в спальню. Он поспешно натянул одеяло, приподнявшись на локтях.

— Ах ты, глупая женщина! Зачем Линь-гээр сюда притащила? — проворчал он, явно смущаясь.

В ответ Третья тётушка только отвесила ему несильный подзатыльник:

— Помолчи уже! Тебе помереть невтерпёж? Если ты сгинешь, я тоже жить не стану! — голос её в конце дрогнул, но она тут же взяла себя в руки и строго добавила: — Даже Су И слова не сказал, а ты всё ворчишь!

Су Лин не совсем понял, при чём тут Су И, но, увидев рану на пятке, мигом забыл обо всём остальном. Нога сильно отекала, покраснела, сквозь кожу проступали тёмные пятна застойной крови, а щиколотка раздулась так, что кожа на ней лоснилась.

— Стул сухой? Стеснение в груди, тревога, кровь в моче есть? — деловито спросил Су Лин.

Дядя, которого расспрашивал юный гээр, густо покраснел и замялся, но тётушка решительно кивнула: да, всё так.

— Я помню один рецепт, который переписывал для отца, — задумчиво произнёс юноша. — Отвар из свежего имбиря для очищения сердца. Туда идёт свежий и сухой имбирь, банья, даньшэнь, шлемник, хуанлянь и солодка. Должно помочь.

Он не решился бы назначать лекарства наобум, но этот рецепт он переписывал десятки раз, помогая Ши Синсяню систематизировать записи — кажется, он был из древнего трактата «Шанхань лунь». Большинство этих трав можно было найти в лесу. Пинеллию — ту самую «маюйцзы», похожую на дикий картофель, — он видел на каждом шагу, но для лекарства нужны были уже обработанные корни из аптеки.

— Эти травы можно найти и самим, но пока их высушишь, время уйдёт. Тётушка, лучше всё же съездите в город за готовым сбором. Если не идти на приём, а просто купить травы по списку, выйдет недорого — меньше восьмидесяти вэнь за порцию. Пока дядя выпьет первый отвар, мы уже соберём и подготовим лесные травы. Только не ходите к лоточникам или в сомнительные лавки на окраине, там обдерут как липку. Идите прямо в Цзишитан, там цены честные.

Су Лин не стал упоминать, что в Цзишитане за качеством трав следят не всегда строго, но это был лучший вариант из двух зол. К тому же там принимал доктор Чжан — человек добрый, если увидит в рецепте ошибку, обязательно скажет. Тётушка поспешно согласилась, а вот дядя, услышав про городскую аптеку, снова насупился. Но всё же покупка трав была куда дешевле полноценного визита к врачу.

Глядя на раздувшуюся рану, Су Лин попросил у тётушки иглу для обуви, масляную лампу и немного сычуаньского перца. Видя уверенность в его словах, женщина бросилась исполнять просьбу, лишь на ходу уточнив: нужен сушёный перец или свежий? Гээр ответил, что всё равно. Вскоре тётушка вернулась с чашкой сушёного хуацзяо и иглой, а следом в комнату испуганно вбежал мальчишка с лампой.

Су Лин прокалил кончик иглы над пламенем для очистки, зачерпнул горсть перца и сосредоточился на синюшной, гноящейся ране. Обувная игла была толстой и длинной — страшноватое зрелище, но управлять ею было легче, чем тонкой швейной иглой. Дядя, этот здоровый и крепкий мужик, при виде иглы невольно втянул голову в плечи и затаил дыхание.

— Линь-гээр держит иглу точь-в-точь как Ши Синсянь, — подбодрила его жена. — Старики говорят, если размять точки перцем, то и боль уйдёт. Чего ты испугался?

Мужчина посмотрел на длинное остриё в руках юноши, сглотнул и медленно кивнул.

— Коли, Линь-гээр, не жалеяй, — выдохнул он, зажмурившись.

Су Лин старался казаться спокойным, хотя никогда раньше этого не делал. Он лишь видел, как это делал отец. Секунду он колебался, но, услышав слова дяди, решительно вонзил иглу. Мужчина взревел от боли.

Юноша тут же запихнул ему в рот заранее приготовленную горсть сычуаньского перца. Острый, обжигающий вкус хуацзяо мгновенно онемил весь рот, и больной, забыв о боли в лодыжке, только и мог, что пытаться справиться с онемевшим языком. Он хотел было выплюнуть жгучую смесь, но тётушка крепко зажала ему рот ладонью.

<http://bllate.org/book/15320/1354541>